

**Я ★
ЭЛТОН
ДЖОН**

18+

Автобиография великого человека

ЭЛТОН ДЖОН

**Я – ЭЛТОН ДЖОН.
Вечеринка длиной в жизнь**

«ЭКСМО»

2019

УДК 82-93
ББК 84(7Сое)-44

Джон Э.

Я – Элтон Джон. Вечеринка длиной в жизнь / Э. Джон —
«Эксмо», 2019 — (Автобиография великого человека)

ISBN 978-5-04-106013-8

В своей единственной автобиографии сэр Элтон Джон впервые рассказывает о своей экстраординарной жизни и музыкальной карьере, навсегда изменившей лицо мировой поп-индустрии. В отличие от фильма "Рокетмэн", жизнь артиста в книге показана без купюр и цензурных ограничений. Элтон Джон описывает все искушения, которые появлялись на пути превращения застенчивого подростка в очках в звезду мирового масштаба. Его жизнь всегда напоминала американские горки: от первых неудач до покорения чартов; от нерешительной попытки утопиться в своем бассейне до получения титула рыцаря и приема у королевской семьи; от дружбы с Джоном Ленноном, Фредди Меркьюри и Джорджем Майклом и многолетней наркотической зависимости — до создания Фонда СПИДа и обретении семьи. Максимально честно и искренне Элтон Джон пишет о своей музыке, отношениях, страстях и ошибках, являя читателю человечный образ "живой легенды" британской музыки.

УДК 82-93
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-106013-8

© Джон Э., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

пролог	6
один	11
два	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ЭЛТОН ДЖОН

Я – ЭЛТОН ДЖОН.

Вечеринка длиной в жизнь

Элтон Джон

Я – Элтон Джон. Вечеринка длиной в жизнь

Elton John

ME

Copyright © 2019, Elton John

All rights reserved

© Мария Литвинова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Самое интересное в книге – даже не моменты триумфа, а периоды борьбы с внутренними демонами на рубеже 80–90-х. Честная автобиография, без нарочитой драматургии и виньеток».

Николай Овчинников, редактор раздела «Музыка»

Афиша Daily

* * *

Посвящается моему мужу Дэвиду и нашим чудесным сыновьям – Закари и Элайдже.

Особая благодарность Алексису Петридису: без него этой книги бы не было.

ПРОЛОГ

Стоя на сцене клуба «Латино» в Южном Шилдсе, я вдруг отчетливо понял: все, с меня хватит.

Таких «клубов для ужина» в шестидесятые-семидесятые по всей Великобритании было пруд пруди. И все примерно одинаковые, вроде этого «Латино». Праздные посетители в костюмах и платьях сидят за столиками, едят жареных цыплят из картонных ведерок, запивая вином в оплетенных бутылках; везде абажуры с бахромой, на стенах – тканевые обои; на эстраде идет программа в духе кабаре с конферансье в галстук-бабочке. Будто из замшелого прошлого. А на дворе зима 1967 года, и звезды рок-музыки загораются так стремительно, что голова идет кругом: «Битлз» с их *Magical Mystery Tour*¹, The Mothers of Invention², группа The Who с альбомом *Sell Out*³, Джими Хендрикс и его *Axis: Bold As Love*⁴, Доктор Джон⁵ и *John Wesley Harding*⁶ Боба Дилана. Здесь же, в «Латино», единственная примета «свингующих шестидесятых» – разве что мой кафтан да цепь с колокольчиками на шее. И все это мне категорически не идет: я выгляжу как финалист конкурса на самого нелепого из британских «детей цветов».

Кафтан и колокольчики – это была идея Джона Болдри⁷, иначе Долговязого Джона. Я тогда играл на клавишных в его бэк-группе под названием «Блюзология». Джон недавно обнаружил, что все остальные команды стиля ритм-энд-блюз внезапно ударились в психоделику – на прошлой неделе Zoot Money's Big Roll Band⁸ еще выступала с репертуаром Джеймса Брауна⁹, а теперь они вдруг называют себя «Колесница Данталиана¹⁰», выходят на сцену в белых хламидах и жалобно поют о том, что «вот придет Третья мировая и уничтожит на корню все цветочки». Джон решил, что мы должны следовать примеру коллег, хотя бы в отношении моды, вот нас и нарядили соответствующим образом. Музыкантов и бэк-вокал – в дешевые кафтаны, самому же Джону сшили эксклюзивные одеяния в Take Six на Карнаби-стрит. По крайней мере, он так *думал*. Но однажды, прямо во время выступления, заметил среди публики кого-то точно в таком же кафтане. Тогда он оборвал песню прямо посередине и начал орать: «Ты где взял эту рубаху? Это же моя рубаха, блин!» Такой выпад несколько противоречил образу человека, чей кафтан призван символизировать мир, любовь и всеобщее братство.

Но я обожал Долговязого Джона. Забавный, шумный и эксцентричный гей, выдающийся музыкант – возможно, величайший мастер игры на двенадцатиструнной гитаре во всей Британии. В начале шестидесятых он был звездой британского блюза, играл с Алексисом Корнером, Сирилом Дэвисом и «Роллинг Стоунз» и знал о стиле блюз абсолютно все. Стоять рядом с ним

---

¹ *Magical Mystery Tour* – девятый студийный альбом группы The Beatles. Записан в студиях Abbey Road Studios и Olympic Sound в 1967 году.

² The Mothers of Invention – американская рок-группа из Калифорнии под руководством Фрэнка Заппы.

³ Третий студийный альбом группы The Who, выпущенный в 1967 году.

⁴ *Axis: Bold As Love* – второй альбом группы The Jimi Hendrix Experience.

⁵ Доктор Джон (англ. *Dr. John*) – американский музыкант, известный своим эклектичным подходом к музыкальному творчеству.

⁶ Восьмой студийный альбом 1967 года американского автора-исполнителя Боба Дилана.

⁷ Джон Уильям Болдри (более известный как Долговязый Джон Болдри, англ. *Long John Baldry*) – британский исполнитель, сыгравший важную роль в развитии блюза и ритм-энд-блюза в своей стране.

⁸ Британская группа, выступавшая в стилях ритм-энд-блюз и соул.

⁹ Джеймс Джозеф Браун-мл. (англ. *James Joseph Brown Jr.*) – американский певец, признанный одной из самых влиятельных фигур в поп-музыке XX века. «Крестный отец соула».

¹⁰ Данталиан или Данталион – мифологический демон, Герцог Ада.

– уже значило получать образование: лично мне он открыл огромный мир музыки, которой раньше я не слышал.

Джон был невероятно добрым, великодушным человеком и обладал редким чутьем на таланты – умел увидеть в музыканте то, о чем никто пока не догадывался. Так было со мной, а еще раньше с Родом Стюартом, выступавшим в предыдущей группе Джона, Steampacket. Кроме Джона и Рода, в нее входили Джули Дрисколл¹¹ и Брайан Огер¹². Блестящая команда, увы, распалась. Как мне рассказывали, однажды вечером после выступления в Сен Тропе Род и Джули поссорились, и Джули выплеснула на белый костюм Рода бокал красного вина. Уверен, вы представляете, что произошло дальше. В любом случае это был конец Steampacket. Тогда Джон нанял нашу группу «Блюзология», которая теперь и наярявала вместе с ним хип-соул и блюз в клубах и блюзовых подвалах по всей стране и дальше.

И это было здорово, несмотря на несколько странные представления Джона о подборе песен. Наши музыкальные сеты в своей оригинальности порой доходили до безумия. Допустим, начинали мы с настоящей блюзовой классики: *Times Getting Tougher Than Tough*¹³, *Hoochie Coochie Man*¹⁴ – и публика, считай, была уже в доску наша. Но тут Джон внезапно менял концепцию и решал спеть «Молотилку», новинку из Уэст-Кантри фривольного содержания – вроде тех, что горланят пьяные регбисты: «Корабль «Венера», например, или «Эскимосочка Нелл». Джон даже имитировал характерный юго-западный акцент. Потом, по его плану, мы исполняли что-то из «Великого Американского песенника»¹⁵ – *It Was a Very Good Year* или *Every Time We Say Goodbye*, и он изображал американскую джазовую певицу Деллу Риз. Не знаю, с чего он взял, что публика ждет от него «Молотилки» или подражания Делле Риз, но, к счастью, он был абсолютно в этом убежден, и явные свидетельства обратного нисколько его не смущали. «Моды»¹⁶, сидящие в первом ряду, пришли послушать легенду блюза Долговязого Джона Болдри – и вот теперь, не переставая жевать жвачку, глазели на сцену с нескрываемым ужасом: «Что, черт возьми, вытворяет этот мужик?» Это было забавно, хотя мне самому приходил в голову тот же вопрос.

Потом разразилась катастрофа: Джон выпустил сингл, который стал хитом. Очевидно, в таком случае следует радоваться, но *Let the Heartaches Begin* была сладенькой, весьма посредственной балладой в духе «Выбора домохозяек»¹⁷. Ничего похожего на ту музыку, которую должен создавать звезда блюза Долговязый Джон. Новый хит неделями занимал первые строчки чартов, и его постоянно крутили на радио. Я мог бы сказать, что понятия не имею, почему Джон так поступил. Но на самом деле я знаю причину и нисколько его не осуждаю: он вкалывал на музыкальном поприще долгие годы, и лишь теперь ему удалось заработать хоть какие-то деньги. Блюзовые подвалы перестали нас приглашать, и мы начали играть в «клубах для ужина», где платили больше. Иногда отыгрывали по две программы за вечер. И никого здесь не интересовали ни роль Джона в развитии британского блюза, ни его виртуозное мастерство игры на двенадцатиструнной гитаре. Народ просто приходил попялиться на человека, которого показывают по телевизору. Временами у меня возникало ощущение, что публику вообще не

---

¹¹ Джули Дрисколл (англ. *Julie Driscoll*) – британская певица и актриса.

¹² Брайан Огер (англ. *Brian Auger*) – британский клавишник, пианист и органист.

¹³ Песня Джона Болдри.

¹⁴ *Hoochie Coochie Man* – блюзовый стандарт, написанный Вилли Диксоном и впервые исполненный Мадди Уотерсом в 1954 году.

¹⁵ *Great American Songbook, GAS* – переносное собирательное название ряда лучших американских песен, написанных в 1920–1960-х годах для бродвейских мюзиклов, голливудских кинофильмов и звукозаписывающих студий. По сей день песни остаются ключевым элементом репертуара джазовых музыкантов.

¹⁶ Моды (англ. *Modes* от *Modernism, Modism*) – британская молодежная субкультура, сформировавшаяся в конце 1950-х годов и достигшая пика в середине 1960-х годов.

¹⁷ «Выбор домохозяек» (англ. *Housewives' Choice*) – утренняя музыкальная программа «по заявкам слушательниц» радио Би-би-си, выходившая в эфир с 1946 по 1967 год.

волнует музыка как таковая. В некоторых клубах, если мы играли дольше отпущенного, администрация просто опускала занавес посреди песни. Но был и плюс: здешним зрителям «Молотилка» нравилась куда больше, чем «модам».

С балладой *Let the Heartaches Begin* имелась проблема: «Блюзология» не могла ее играть. Я не имею в виду «не хотела». Мы *не могли играть* в буквальном смысле слова. Предполагалось, что в исполнении участвуют оркестр и женский хор – звучание в духе Мантовани¹⁸. Мы же, ритм-энд-блюз-команда из восьми музыкантов, включая духовиков, воспроизвести такой звук никак не могли.

Тогда Джон решил записать минусовку на пленку. И вот наступил великий момент. Он втащил огромный магнитофон «Ревокс» на сцену, нажал кнопку и запел под записанное заранее сопровождение. Нам же оставалось тупо стоять и ничего не делать – в кафтанах, с колокольчиками на шее, пока публика поглощала жареную курицу и картошку. В общем, мука мученическая.

Единственным развлечением во время этого «живого» выступления было то, что, где бы Джон ни заводил свою балладу, женщины начинали визжать от восторга. Переполняемые страстью, они забывали про курицу с картошкой, бросались к сцене и хватались за шнур микрофона в надежде подтащить Джона к себе поближе. Уверен, с Томом Джонсом они проделывали то же самое каждый вечер, и ему это наверняка льстило, но Долговязый Джон Болдри был из другого теста. Вместо того чтобы наслаждаться любовью поклонниц, он приходил в дикую ярость, переставал петь и угрожающе кричал: «Если вы сломаете мне микрофон, заплатите пятьдесят фунтов!» Однажды вечером дамы проигнорировали его предупреждение и продолжили упорно тянуть шнур на себя. Рука Джона взметнулась, и ужасный грохот раздался из динамиков. Холодея, я осознал, что Джон, похоже, врезал похотливой фанатке микрофоном по голове. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: чудо, что его тогда не арестовали и не предъявили иск за нападение на зрительницу. С тех пор главным развлечением нашей группы во время исполнения баллады стали размышления на тему того, стукнет Джон очередную оголтелую поклонницу микрофоном по голове или нет.

Именно эта песня звучала в Южном Шилдсе, когда на меня сошло озарение. С самого детства я мечтал стать музыкантом. Мечта принимала разные формы: иногда я представлял себя Литл Ричардом¹⁹, иногда Джерри Ли Льюисом²⁰, иногда Рэем Чарльзом²¹. Но ни разу не воображал, что буду стоять на сцене «клуба для ужинов» в пригороде Ньюкасла, даже не прикасаясь к электрооргану «Вокс Континентал», пока Джон распевает свой хит под фанеру или в ярости требует у прекрасной половины публики пятьдесят фунтов за микрофон.

Но вот я стою здесь и ничего не делаю. Как бы я ни любил Джона, мне стало ясно: надо двигаться дальше.

Другое дело, что я не особо представлял, куда двигаться. Сам не знал, чем хочу заниматься, а главное – на что способен. Да, я играл на клавишных и пел, но на поп-звезду явно не тянул. Во-первых, выглядел неподходяще, о чем свидетельствовал нелепый вид в кафтане. Во-вторых, меня звали Редж Дуайт. Ну никак не звездное имя. «А сегодня в программе «Вершина популярности» новый сингл... Реджа Дуайта!» Нет, невозможно. У других участников «Блюзологии» имена и фамилии были вполне себе звучные: Стюарт Браун, Пит Гевин, Элтон

---

¹⁸ Аннунцио Паоло Мантовани (итал. *Annunzio Paolo Mantovani*) – скрипач, пианист, дирижер и композитор, создатель популярного в Америке и Европе оркестра легкой музыки.

¹⁹ Литл Ричард (также пишут «Литл Ричард»; англ. *Little Richard*) – американский певец, пианист и композитор, стоявший у истоков рок-н-ролла.

²⁰ Джерри Ли Льюис (англ. *Jerry Lee Lewis*) – американский певец, пианист, композитор, один из основоположников и ведущих исполнителей рок-н-ролла.

²¹ Рэй Чарльз (англ. *Ray Charles*) – американский эстрадный певец (баритон) и пианист. Пел в различных стилях, особенно прославился как исполнитель в стилях соул и ритм-энд-блюз.

Дин. Элтон Дин! Даже имя саксофониста больше подходит для поп-звезды, а ведь у него нет ни малейшего желания становиться таковой: Дин занимался серьезным джазом, а в «Блюзологии» просто убивал время, поджидая, пока на горизонте замаячит возможность присоединиться к какому-нибудь независимому квинтету, играющему джазовые импровизации.

Конечно, можно поменять имя, но смысл? Не только я сам считал, что не тяну на поп-звезду, такой приговор мне вынесли профессионалы. Несколько месяцев назад я ходил на прослушивание в «Либерти Рекордз»²². Компания разместила рекламу в газете «Мьюзикал Экспресс»: «Либерти Рекордз» ищет таланты!» Как выяснилось, мой талант их не устроил. Я встретился с парнем по имени Рэй Уильямс, поиграл для него, даже записал пару песен в их маленькой студии. Рэй решил, что у меня есть потенциал, но все остальные в «Либерти» думали иначе: «Большое спасибо, но нет».

Вот такие дела.

И все же один вариант имелся. Во время прослушивания в «Либерти» я сказал Рэю, что мог бы писать песни – по крайней мере, наполовину... то есть сочинять музыку, но не тексты. Я пробовал вымучивать стихотворные строки для «Блюзологии» и до сих пор обливаюсь холодным потом, когда они приходят мне на ум: «*Мы будем вместе, да-да-да, клянусь, за это все отдам*». Рэй, будто припомнив что-то в последний момент – или, возможно, в качестве утешительного приза, – протянул мне конверт. Какой-то парень, откликнувшись на призыв талантов, прислал свои стихи.

По-моему, сам Рэй их даже не читал.

Юноша, приславший тексты, жил в Линкольншире, в деревне Оумби-бай-Спитал, которую никак не назовешь рок-н-рольной столицей мира. И работал на птицеферме – развозил в тачке тушки мертвых куриц. Но стихи оказались очень приличные. С некоторым влиянием Толкина, налетом эзотерики и не без сходства с A Whiter Shade of Pale группы «Прокол Харум»²³. Но главное, ни один из текстов не вызвал у меня желания стореть со стыда – а это значило, что стихи в конверте на порядок лучше моих собственных упражнений в стихосложении.

Вдобавок выяснилось, что я могу писать музыку на эти тексты, причем очень быстро. Что-то в них задело меня за живое – как и сам автор. Он приехал в Лондон, мы встретились и за кофе обо всем сразу договорились. Оказалось, Берни Топин никакой не деревенщина, для семнадцатилетнего парня он был весьма продвинутым: длинноволосый, привлекательный внешне, очень начитанный, большой поклонник Боба Дилана. Мы начали писать вместе – точнее, вместе, но по отдельности: он присылал тексты из Линкольншира, а я сочинял к ним музыку дома, в квартире матери и отчима в Нортвуд Хиллз. Вскоре у нас набралось около десятка песен. Понятно, что мы ни разу не продали ни одно свое творение никому из исполнителей. То есть, если бросить работу и посвятить все время созданию песен, мы точно вылетим в трубу. Но с другой стороны – что мы теряем, кроме денег? Тачку с мертвыми курами и Let the Heartaches Begin дважды в неделю?

Я сказал Джону и «Блюзологии», что ухожу в декабре, сразу после выступлений в Шотландии. Заявление приняли спокойно, без обид: как я уже говорил, Джон был человек великодушный. Во время полета домой я твердо решил, что должен наконец поменять имя. Не знаю почему, но я чувствовал – с этим надо поторопиться. Наверное, для меня такая перемена символизировала старт новой жизни и отсечение всего старого: больше никакой «Блюзологии», никакого Реджа Дуайта. На скорую руку я придумал составной псевдоним: Элтон – от Элтона Дина, Джон – от Долговязого Джона Болдри. Элтон Джон. Элтон Джон и Берни Топин. *Автор-*

---

²² «Либерти Рекордз» (англ. *Liberty Records*) – международный лейбл звукозаписи, основанный в США в 1951 году.

²³ «Прокол Харум» (англ. *Procol Harum*) – британская рок-группа. Самый известный хит группы – композиция A Whiter Shade of Pale, многими признаваемая гимном шестидесятых.

ский дуэт: Элтон Джон и Берни Топин. Мне показалось, звучит круто. Необычно. Интригующе. По дороге из аэропорта Хитроу в автобусе я поделился планами с теперь уже бывшими коллегами. Они долго хохотали, а потом искренне пожелали мне удачи.

ОДИН

Элвиса Пресли я открыл для себя благодаря матери. Каждую пятницу после работы она получала недельную зарплату, по дороге домой заходила в «Сиверс», магазин электротоваров, где продавали еще и диски, и всегда покупала новую пластинку на семьдесят восемь оборотов. Для меня это был самый любимый день недели, и я с нетерпением ждал, что же она принесет на этот раз. Мама любила танцевать, ей нравились оркестры Билли Мэя и Теда Хита, а еще американские певцы: Джонни Рэй, Фрэнки Лейн, Нэт Кинг Коул и Гай Митчелл с его хитом «На ней папуасская юбка и ярко-красные перья». Но однажды мама принесла нечто совсем особенное. Сказала, что никогда прежде не слышала ничего похожего, но это так необычно, что не купить диск она не могла. Как только она произнесла имя – Элвис Пресли, – я вспомнил этого человека. В прошлые выходные, сидя в местной парикмахерской в ожидании своей очереди, я листал журналы и вдруг увидел фото самого феерического парня из всех, что попадались мне на глаза. Все в нем поражало: одежда, прическа, даже поза. В сравнении с народом, шагающим по улице лондонского пригорода Пиннер, он казался инопланетянином – с таким же успехом он мог быть зеленокожим и с антеннами на голове. Я был настолько ошарашен его видом, что не удосужился прочитать статью, и к возвращению домой имя напрочь вылетело у меня из памяти. Теперь я услышал его снова: Элвис Пресли.

Мама поставила пластинку, и сразу стало ясно: поет Элвис так же, как и выглядит, – инопланетно. Если сравнивать с тем, что обычно слушали мои родители, его Heartbreak Hotel вообще не следовало считать музыкой – такое мнение высказал мой отец и придерживался его долгие годы. Я уже успел открыть для себя рок-н-ролл – Rock Around the Clock стала хитом в 1956 году, но Heartbreak Hotel оказалась совсем из другой оперы. Грубоватая, с замедлениями, даже слегка жутковатая. И это странное эхо... Трудно было разобрать слова – я понял только, что его оставила любимая девушка, а дальше смысл ускользнул. Кто такой *dess clurk*? И что это за *Bidder Sir Lonely*?²⁴

Хотя не важно, что именно он произносил. Главное, когда он пел, с тобой происходило что-то непонятное почти на физическом уровне. Ты словно напитывался удивительной энергетикой его голоса, заражался ею, как будто бактерии из динамика проигрывателя проникают прямиком в твоё тело. Я тогда уже считал себя помешанным на музыке, и у меня даже была собственная небольшая коллекция пластинок, оплаченная талонами и сертификатами, подаренными на дни рождения и Рождество. Прежде моим кумиром была Уинифред Атвелл, большая и невероятно жизнерадостная дама из Тринидада. Она выступала с двумя инструментами – маленьким изящным роялем, на котором играла легкие классические мелодии, и старым выдавшим виды пианино для исполнения «ресторанных» песен и композиций в стиле рэгтайм. Мне нравилось ее искрометное веселье и театральновосторженная манера, с которой она объявляла залу: «А теперь я иду к моему *другому* инструменту»; я обожал смотреть, как она подается вперед, к зрителям, с сияющей улыбкой на лице, и играет с таким упоением, будто в этот миг она счастлива как никогда. Я считал Уинифред Атвелл грандиозной певицей, но под ее музыку никогда не испытывал такого, как сейчас, когда слушал Heartbreak Hotel. Да и вообще никогда в жизни я ничего подобного не испытывал. Казалось, что-то бесповоротно меняется, и мир уже никогда не будет прежним. Время показало, что именно так и вышло: мир изменился.

И слава богу, потому что мир жаждал перемен. Я вырос в Великобритании пятидесятых годов, и до Элвиса, до рок-н-ролла, наша страна была довольно унылым местечком. Жизнь

---

²⁴ Текст песни сложно было разобрать (особенно англичанину) из-за своеобразного небрежного американского произношения Элвиса Пресли. *Dess clurk* – *desk clerk* (рус. *рецепионист, консьерж в отеле*), *Bidder Sir Lonely* – *been so long on lonely [street]* (рус. *Долго бродил один по одинокой улице*). – Прим. пер.

в Пиннере меня не раздражала – я не из тех звезд, чьей мотивацией было жгучее желание сбежать из пригорода. Если честно, мне даже нравилось там жить. А вот страна в целом производила удручающее впечатление. Все что-то скрывали, чего-то боялись, кого-то осуждали или, напротив, боялись осуждения. Я рос в мире, чьи обитатели с мрачным выражением лица подглядывали за соседями из-за оконных штор, где девушек отсылали в деревню, потому что они «попали в беду». Думая о Британии пятидесятых, я часто вспоминаю, как сидел на крыльце нашего дома и слушал разглагольствования маминого брата, дядюшки Реджа, который уговаривал ее не разводиться с моим отцом: «Развод – это же невысказано! Что подумают люди?» Помнится, он еще произнес фразу: «И что скажут соседи?» Я ни в чем не виню дядю Реджа. В то время считалось, что гораздо важнее создавать видимость благополучного брака, чем просто быть счастливым.

Впрочем, совместную жизнь моих родителей сложно назвать браком. Я родился в 1947 году, но был из тех, кого называют «дети войны». По всей видимости, меня зачали, когда отец демобилизовался из Королевских Военно-воздушных сил. В армию он вступил в 1942-м, в самый разгар Второй мировой войны, а после ее окончания ему предложили остаться в войсках. Родители были парой военного времени, их история на первый взгляд кажется романтической. Познакомились они в день поступления отца в армию – ему было тогда семнадцать, он работал в Риксмансворте на верфи, которая специализировалась на строительстве узких лодок для прохождения каналов. Шестнадцатилетняя мама, в девичестве Харрис, возила молоко в «Юнайтед Дэйрис» на телеге, запряженной лошастью, – такую работу до войны женщины никогда не выполняли. Отец увлекался игрой на трубе и однажды в увольнительной, выступая с группой в отеле «Норт Харроу», заметил среди зрителей маму.

Но на самом деле в браке Стэнли и Шейлы Дуайт ничего романтического не было. Совместная жизнь сразу не задалась. Оба упрямые и вспыльчивые – эти качества мне «повезло» получить по наследству. Не уверен, что когда-то родители любили друг друга по-настоящему. В военное время люди торопились вступить в брак: никто не знал, что будет завтра, и даже в январе 1945-го, когда они поженились, эта неуверенность в собственном будущем сохранялась, так что приходилось ловить момент. Возможно, именно так сошлись мои мать и отец. Наверное, в самом начале они любили друг друга или, по крайней мере, им так казалось. Но со временем им все труднее стало общаться, и они постоянно скандалили.

Затишье наступало, когда отец уезжал – а это случалось часто. Его повысили до лейтенанта и постоянно отправляли за границу, в Ирак или Аден, так что я рос в доме, где, казалось, обитают одни женщины. Мы жили с моей бабушкой по материнской линии, Айви, в доме 55 по Пиннер Хилл Роуд – там же, где я родился, в одном из муниципальных домиков, заполонивших всю Британию в двадцатые и тридцатые годы: на две квартиры, с тремя спальнями, первый этаж – из красного кирпича, второй в белой штукатурке. На самом деле с нами жил еще один представитель мужского пола, но его присутствие было почти незаметно. Мой дед умер молодым от рака, и бабуля снова вышла замуж за парня, потерявшего ногу во время Первой мировой. Его звали Хорэс Сьюэлл, и он был человек с золотым сердцем, но компании не любил и почти все время проводил вне дома. Работал он в местном цветочном рассаднике «Вудманс», а на досуге копался в саду, выращивая для нас овощи и цветы.

Должно быть, в саду он прятался от моей матери – за что я его нисколько не осуждаю. У мамы был ужасный характер, и даже отсутствие отца в доме не исправляло положение. Вспоминаю резкие перепады ее настроения. Жуткое, мрачное, гнетущее молчание внезапно обрушивалось на дом, и тогда приходилось ходить на цыпочках и тщательно подбирать слова, чтобы, боже упаси, не вывести ее из себя и не получить тумака. В хорошем расположении духа она бывала ласковой, жизнерадостной и обаятельной, но все равно почему-то постоянно искала поводы для раздражения и скандалов, и последнее слово всегда оставалось за ней. Помню знаменитую фразу дяди Реджа: «Шейла способна затеять склоку даже в пустой комнате». Долгие

годы я считал, что все это по моей вине, что она, возможно, никогда по-настоящему не хотела становиться матерью. Она родила меня рано, в двадцать один год, увязла по уши в браке, который явно не удался, и вынуждена была жить с матерью из-за нехватки денег. Но потом сестра мамы, моя тетя Уин, рассказала, что она всегда была такой – уже в ранние годы с появлением Шейлы Харрис вокруг словно сгущались тучи. Другие дети боялись ее, и казалось, что ей это даже нравилось.

У мамы были чрезвычайно странные представления о воспитании. В те времена детей муштровали, в ходу были физические наказания, и, по общему мнению, непослушному сорванцу полагалось наподдать так, чтоб искры полетели из глаз. Этой философии моя мать следовала со всей страстью, что меня пугало и унижало, особенно если она распускала руки в людном месте. Ни с чем не сравнимое ощущение – бегать от нее по местному универмагу «Сэйнсбери» на глазах явно заинтригованных зевак и чувствовать, как твоя самооценка стремительно приближается к нулю.

Некоторые мамины методы воспитания казались чудовищными даже для той эпохи. Многие годы спустя я узнал, что она специфическим способом приучала меня ходить на горшок: била проволочной посудной мочалкой, пока не начинала идти кровь. Обнаружив это, бабуля, естественно, пришла в ярость, и в итоге несколько недель они не разговаривали. Еще один приступ бешенства случился у бабушки, когда она увидела, как мать лечит меня от запора: укладывает на сушильную доску на кухне и засовывает в задний проход кусочек карболового мыла. В общем, если мама и впрямь любила пугать людей, то в случае со мной она полностью удовлетворила эту свою страсть: я боялся ее до чертиков. Конечно, я все равно любил ее, ведь она была моей матерью. Но все детство провел в состоянии тревожного напряжения, отчаянно стараясь не вывести ее из себя. Если она была спокойна и весела, я тоже был счастлив, пусть и временно.

С бабулей таких проблем не возникало, ей я доверял всецело. Душа семьи, она единственная не ходила на службу; мама уже не развозила молоко, как во время войны, но работала продавщицей то в одном, то в другом магазине. Бабушка была настоящим матриархом, одной из легендарных представительниц старого рабочего класса: умная, но без причуд, привыкшая к тяжелому труду, добросердечная и жизнерадостная. Я ее обожал. Она потрясающе готовила, умело выращивала цветы, овощи и зелень, любила иногда пропустить стаканчик спиртного и перекинуться в карты. Судьба не баловала ее с пеленок – отец оставил ее мать беременной, так что бабуля появилась на свет в приюте. Она никогда не говорила об этом, но, похоже, тяжкая жизнь привила ей спокойное и терпеливое отношение ко всему. Однажды я, малыш, завывая, спустился к ней со второго этажа за помощью – прищемил кожицу на своих мужских причиндалах молнией от штанов. Она вздохнула и принялась за дело так, будто всю жизнь занималась вызволением маленьких пенисов из капканов молний.

В доме у бабули пахло вкусной едой и дымком угольной печи. И всегда кто-то заходил в гости: тетя Уин или дядя Редж, мой двоюродный брат Джон или кузина Кэтрин, арендодатель или работник местной прачечной «Уотфорд Стрим», или человек, доставлявший уголь для печи. И еще в доме постоянно звучала музыка. Радиоприемник играл музыкальные программы: *Two-Way Family Favourites*, *Housewives' Choice*, *Music While You Work*, *The Billy Cotton Band Show*. А если радио молчало, тогда включали проигрыватель – в основном джаз, иногда классику.

Я часами рассматривал эти пластинки, изучал названия и логотипы звукозаписывающих лейблов. Синий Deccas, красный Parlophones, ярко-желтые MGMs, HMVs и RCAs – на двух последних по непонятной причине изобразили собаку, глазеющую на граммофон. Мне все это казалось волшебным: иголка опускается на пластинку, и рождается звук – разве не чудо? Помню, как однажды спустился вниз и обнаружил, что меня ждет подарок – большая коробка в обертке. Развернул – и какое же разочарование! Мне подарили конструктор «Мекано»!

Правда, у нас было пианино – бабушкино; на нем играла тетя Уин, а иногда упражнялся я. Существует множество семейных легенд о моем рано раскрывшемся великом таланте пианиста – чаще всего повторяется рассказ о том, как тетя усадила себе на колени трехлетнего меня, и я немедленно подобрал по слуху мелодию «Вальса конькобежцев»²⁵. Понятия не имею, правда это или нет, но играть на пианино я начал очень рано, наверное, когда поступил в свою первую школу – Реддифорд. Подбирал мелодию «Все яркое, красивое» и другие религиозные гимны, которые пели на собраниях в церкви. Я родился с абсолютным слухом, как другие рождаются, например, с фотографической памятью, – услышав мелодию, садился за пианино и повторял ее более-менее точно. В семь лет я начал заниматься музыкой с дамой, которую звали миссис Джонс. Вскоре родители стали водить меня с собой на семейные сборы, праздники и свадьбы, чтобы я там играл *My Old Man Said Follow the Van* или *Roll Out the Barrel*. Старые английские песни моя семья любила больше всего.

Пианино оказывалось очень кстати, когда отец приезжал на побывку. Он был типичный англичанин образца пятидесятых годов, обычно не выказывающий никаких эмоций, кроме гнева, – свидетельство неизменной слабости характера. Он никогда не обнимал меня, не говорил, что любит. Но музыка ему нравилась, и в награду за игру я получал сдержанное «неплохо» или даже короткое одобрительное пожатие плеча в знак того, что он горд моими достижениями. На время я становился для него «хорошим парнем». Отца я не боялся так панически, как мать, но, наверное, лишь потому, что он редко бывал дома. Однажды, когда мне было шесть, мать решила покинуть Пиннер, оставить все свое семейство и отправиться с отцом в Уилтшир – его перевели в Линхем, неподалеку от Суиндона. Мало что помню о тамошней жизни. Вроде бы мне нравилось играть во дворе, но из-за смены обстановки я постоянно чувствовал себя не в своей тарелке и в итоге начал отставать в учебе. Мы пробыли там недолго – мама быстро поняла, что совершила ошибку. После возвращения в Пиннер стало окончательно ясно, что отец скорее наносит визиты, чем живет с нами.

Но когда эти визиты случались, все менялось. Внезапно появлялись новые правила. Я получал нагоняй не только за то, что, играя в мяч на лужайке, случайно попал в клумбу, но и за то, например, что *неправильно* ел сельдерей. А есть его *правильно*, если вас интересует, значит, не хрустеть, откусывая стебель. Однажды отец дал мне затрепину из-за того, что я *неправильно* снимал школьный пиджак; к сожалению, теперь я уже не помню, какой способ снятия пиджака он считал *правильным*, хотя в ту пору это знание казалось мне жизненно важным. Эпизод с пиджаком страшно расстроил мою тетю Уин, и она в слезах помчалась жаловаться бабуле. Очевидно, наученная горьким опытом приучения меня к горшку и маминой борьбой с моими запорами, бабушка велела тете не вмешиваться.

Почему это все происходило? Честно, я не знаю. Представления не имею, почему так вел себя отец, почему так поступала мать. Возможно, в случае с отцом сыграла роль служба в ВВС, где вся жизнь была подчинена определенным правилам. Может быть, он немного ревновал, чувствовал, что из-за постоянных отъездов будто отрезан от семьи, и желание ввести свои правила было для него своеобразным способом утвердить свое место главы семейства. Возможно, дело и в воспитании, хотя его родители – мой дедушка Эдвин и бабушка Эллен – не казались слишком уж суровыми людьми. А может, и моя мать, и отец попросту не знали, как вести себя с ребенком? Ведь у них совсем не было такого опыта. Не знаю. Знаю только, что отец вспыхивал как спичка и, похоже, слабо представлял, как надо пользоваться словами. Никаких разговоров по душам или даже предложений вроде: «А теперь иди сюда, давай это обсудим», – нет, он просто взрывался как бомба. Знаменитый семейный темперамент Дуайтов, проклятие моего детства, а затем и всей жизни, – эту «взрывоопасность» я получил в наследство. Я или

---

²⁵ «Вальс конькобежцев» (фр. *Les Patineurs Valse*, нем. *Der Schlittschuhläufer-Walzer*, Op. 183), или просто «Конькобежцы» (фр. *Les Patineurs*) – вальс авторства французского композитора Эмиля Вальдтейфеля, написанный в 1882 году.

генетически предрасположен к бесконтрольным вспышкам гнева, или же пример отца прочно укоренился где-то в подсознании. В любом случае в детские годы мне это обеспечило постоянную жгучую боль в ягодицах, а позже – и для меня самого, и для моего окружения – стало вечной занозой в заднице.

Если бы не мать с отцом, все было бы вполне нормально, несмотря на скучные детские развлечения пятидесятых годов: «Мул Маффин»²⁶ по телевизору, утренники по субботам в мэрии в Северном Харроу; Goons²⁷ по радио, чай с бутербродами воскресными вечерами. Вне дома я вообще чувствовал себя совершенно счастливым. В одиннадцать я перешел в среднюю школу округа Пиннер и стал совершенно обычным среднестатистическим учеником. Надо мной не издевались, и я никого не обижал, я не был ни зубрилой, ни, в отличие от моего друга Джона Гейтса, отъявленным хулиганом. Джон был из тех, кого всегда оставляют после уроков или заставляют просиживать часами в предбаннике кабинета директора – впрочем, никакие наказания никоим образом не влияли на его поведение. Я был полноват, но хорошо показывал себя на уроках физкультуры, не рискуя при этом превратиться в школьную звезду спорта. Играл в теннис, футбол – да во все что угодно, кроме регби: из-за моих объемов, меня бы обязательно выпускали на поле во время схватки, и там я бы постоянно получал промеж ног от «столбов»²⁸ противника. Нет уж, спасибо.

Моего лучшего друга звали Кит Фрэнсис, но вообще круг друзей у меня был широкий – и мальчики, и девочки. С ними я встречаюсь до сих пор, а иногда устраиваю встречи выпускников у себя дома. Перед первой такой встречей сильно волновался: прошло пятьдесят лет, я знаменитость, что они обо мне подумают? Но их это не волновало. Мы провели время так, будто на дворе 1959 год. Никто особенно сильно не изменился, у Джона Гейтса по-прежнему был огонек в глазах, из чего следовало, что он так и остался бедовым парнем.

Годами я жил жизнью, в которой ничего особенного не происходило. Самым ярким впечатлением стала поездка со школой в Аннеси – там мы встретились с французскими друзьями по переписке и, затаив дыхание, смотрели на «Ситроены 2CV» – такой машины я никогда не видел, сиденья в ней выглядели прямо как шезлонги! Вспоминаю еще пасхальные каникулы – по причинам, теперь уже покрытым мраком забвения, мы с Барри Уолденом и Китом решили совершить велосипедную прогулку из Пиннера в Борнмут. Идея начала казаться мне сомнительной, когда я осознал, что на их велосипедах стоят переключатели скоростей, а на моем – нет. Стараясь не отстать от друзей, я ужасно мучился, крутя педали на подъемах.

Никаких рискованных ситуаций в моей жизни не случалось. Единственная опасность, которая меня подстерегала, – что кто-то из моих друзей умрет со скуки во время моих разглагольствований на тему пластинок. Коллекционированием их я не ограничивался. Каждый раз, покупая новый диск, я делал записи в блокноте: перечислял все композиции на стороне А, потом на стороне Б и переписывал всю остальную информацию: кто сочинил музыку и слова, какой лейбл, кто был продюсером. Память у меня тогда была отличная, так что я превратился в ходячую музыкальную энциклопедию. Невинный вопрос вроде: «А почему на песне Little Darlin группы The Diamonds игла перескакивает?» – приводил к длиннейшей тираде с моей стороны. Я объяснял, что Little Darlin записывала «Меркьюри Рекордз», чей дистрибьютор на территории Великобритании – компания «Пай Рекордз», единственный лейбл, который выпускает пластинки из новомодного винила, а не старого шеллака. А иглы из шеллака на виниле иногда ведут себя непредсказуемо.

Но я вовсе не жалею о скучной жизни в Пиннере, мне она правда нравилась. Дома порой происходили такие потрясения, что размеренное существование за его дверью казалось

---

²⁶ Мул Маффин (англ. *Muffin the Mule*) – кукольный персонаж детских телепередач Би-би-си.

²⁷ Юмористическая радиопередача британской радиостанции BBC Home Service, выходившая с 1951 по 1960 год.

²⁸ Игроки под номерами 1 и 3 на линии форвардов в регби.

манной небесной: особенно когда родители снова попытались постоянно жить вместе – это было после того, как я перешел в среднюю школу. Отца перевели в подразделение BBC Медменхэм в Бекингемшире, и мы все переехали в Нортвуд, минутах в десяти езды от Пиннера, в дом 111 по Поттер-стрит. Прожили там три года, и этого хватило, чтобы понять: супружеской жизни не получается. Боже, это был сущий ад: постоянные скандалы, редко прерываемые ледяным молчанием. Невозможно вздохнуть спокойно. Когда твои дни проходят в ожидании очередной вспышки материнского гнева, а отец при этом беспрерывно попрекает нарушением бесконечных правил, ты в итоге теряешься и не знаешь, что делать. Непонятно, чего ожидать, и эта неопределенность переполняет страхом. Я как будто все время ходил по краю обрыва и боялся собственной тени. В довершение ко всему, я считал себя ответственным за крах родительского брака, ведь большинство скандалов происходило именно из-за меня. Отец чего-то требовал, мать вмешивалась, и мгновенно вспыхивала грандиозная перебранка на тему моего воспитания. Все это явно не шло на пользу моей самооценке и привело к неуверенности в себе, от которой я долго не мог избавиться уже будучи взрослым. Мне даже не хотелось смотреть на себя в зеркало. Ненавидел свое отражение: толстый коротышка, лицо нелепое, волосы непослушные, распадаются прямо в процессе укладки. И еще я всячески избегал конфликтов, пугаясь их до смерти. И это тоже продолжалось десятилетиями. Деловые отношения, как и личные, у меня складывались со скрипом, потому что я всегда старался уйти от любого противостояния.

Не в силах терпеть родительские крики и скандалы, я обычно взбегал по лестнице наверх в свою комнату и запирал дверь. Там у меня царил идеальный порядок. Я собирал не только пластинки, но еще комиксы, книги, журналы, и был страшно дотошным: информацию о своих новых пластинках заносил в блокнот, выписывал детальные сведения о всех синглах и чартах из журналов «Мелоди Мейкер», «Нью Мьюзикал Экспресс», «Рекорд Миррор» и «Диск», потом сравнивал рейтинги и составлял из журнальных чартов собственный чарт. Я всегда был помешан на статистике. Даже сейчас мне каждый день присылают полные выкладки по всем чартам не только по стране, но и с американских радиостанций, рейтинги кинофильмов и бродвейских спектаклей. Многие артисты не следят за своими рейтингами, им просто не интересно. Во время наших разговоров иногда выясняется, что я знаю о том, как дела у их нового сингла, лучше, чем они сами. Безумие! Официальная причина такова: я хочу быть в курсе всего, что происходит, потому что сейчас мне принадлежит компания, которая снимает кино и ведет дела разных актеров. Но на самом деле я просто не могу иначе; статистику я собираю с дотошностью банковского работника. Это что-то вроде одержимости.

Наверное, психолог бы объяснил, что, будучи ребенком, я пытался внести ощущение упорядоченности в окружающий меня хаос – приезды и отъезды отца, бесконечные ссоры родителей. Их я не мог контролировать, как и перепады материнского настроения. Но я полностью контролировал все, что происходит в моей комнате. Находящиеся там предметы не могли причинить мне вреда – наоборот, они успокаивали. Я разговаривал с ними, обращался так, будто у них есть чувства. Если что-то ломалось, я страшно переживал, словно убил живое существо. Как-то во время особенно яростной склоки мать бросила в отца пластинку, и та разлетелась на бог знает сколько кусков. Это была The Robin's Return Долорес Вентуры, австралийской пианистки, работающей в стиле регтайм. Помню, я тогда ужасался молча: «Как же ты могла? Как ты могла уничтожить эту прекрасную вещь?»

С появлением рок-н-ролла моя коллекция засияла новыми гранями. Вокруг происходили и другие волнующие события, говорящие о том, что серый послевоенный мир меняется и жизнь движется вперед даже здесь, в северо-западном пригороде Лондона. Например, у нас в доме появились телевизор и стиральная машина, на Пиннер Хай-стрит открыли кофе-бар, казавшийся чем-то невероятно экзотическим до тех пор, пока неподалеку от Харроу не начал работать китайский ресторан. Но эти новшества приходили к нам медленно, постепенно, с

перерывами в несколько лет. С рок-н-роллом было иначе. Он явился как будто ниоткуда, так стремительно и внезапно, что сложно было осознать, какой переворот он совершил буквально во всем. Вчера еще все слушали старого доброго Гая Митчелла с его *Where Will the Dimple Be?* и Макса Байгрейвса²⁹, распевającego про зубные щетки. Легкая, сладенькая музыка, рассчитанная на родителей, которые не хотят слышать ничего шокирующего или слишком волнующего: потрясений им хватило во время войны. Как вдруг появляются Джерри Ли Льюис и Литл Ричард, которые поют так неразборчиво, будто у них во рту пена. И родители их ненавидят. Даже моя мама, страстная поклонница Элвиса, терпеть не могла Литл Ричарда, и *Tutti Frutti* казалась ей невыносимой какофонией.

Рок-н-ролл был как бомба с продолженным действием: серия взрывов, грохочущих, мощных, быстрых, неостановимых – никто толком не понимал, что происходит. Фантастические композиции выходили одна за другой: *Hound Dog*, *Blue Suede Shoes*, *Whole Lotta Shakin' Goin' On*, *Long Tall Sally*, *That'll Be the Day*, *Roll Over Beethoven*, *Reet Petite*. Чтобы покупать пластинки, мне пришлось задуматься о субботней подработке. На счастье, мистер Мегсон, хозяин магазина «Виктория Уайн», как раз подыскивал помощника для работы на заднем дворе – собирать пустые бутылки в ящики, а ящики складывать в штабеля. Я решил, что это отличная идея, но не отдавал себе отчета, что она изначально обречена на провал: «Виктория Уайн» находился точно по соседству с магазином пластинок «Сиверс». Десять фунтов моей платы мистер Мегсон мог прямиком отдавать в кассу «Сиверса», минуя мои руки. Это раннее проявление того, что позже станет моим извечным отношением к покупкам: деньги не задерживаются у меня в кармане, особенно если очень хочется что-то купить.

Сегодня, шестьдесят лет спустя, сложно объяснить, какой грандиозный эффект произвело появление рок-н-ролла. Это был глобальный переворот, мировая революция. Не только в музыке – в культуре в целом: в моде, кинематографе, общем мировоззрении. Казалось, что-то впервые принадлежит только нам, тинейджерам, что-то придумано исключительно для нас. Это дало нам возможность чувствовать себя другими, не похожими на родителей, и заставляло верить в то, что мы способны чего-то достичь. Очень трудно рассказать и о том, насколько сильно старшее поколение противостояло рок-н-роллу. Представьте себе приступы паники, вызванные появлением панков и гангста-рэпа, «модов», рокеров и «металлистов», а затем сложите их вместе и умножьте на два: вот примерно такой ужас наши «предки» испытывали перед рок-н-роллом. Черт, да они просто ненавидели его! И мой отец – сильнее всех. Ему вообще не нравилась музыка – кроме, пожалуй, Фрэнка Синатры. Но особенно его раздражало аморальное, по его мнению, влияние музыки на общество: «Посмотрите, как они одеваются, как себя ведут, как качают бедрами и выставляют напоказ свои причиндалы. Ты *не должен* иметь к этому никакого отношения!» А если бы я вдруг *стал* иметь к этому отношение, то в глазах отца превратился бы в «промышлялу» – в Британии так называли мелких жуликов, готовых урвать хоть что-то на любом сомнительном дельце. Отец и без того был уверен, что ничего путного из меня не выйдет – ведь я *неправильно* ем сельдерей. А рок-н-ролл уж точно приведет меня к полной деградации. При одном лишь упоминании об Элвисе или Литл Ричарде он разражался гневной тирадой, основной темой которой было мое неминуемое превращение в «промышлялу». То есть сейчас я с упоением слушаю *Good Golly Miss Molly*, а через пять минут уже прячу под кровать краденые нейлоновые чулки и бегу на улицу, чтобы в темных закоулках Пиннера зазывать честной народ на игру в наперстки.

Конечно, ничего подобного со мной не могло случиться – в подростковом возрасте я был невинней монаха-бенедиктинца. Но отец не хотел рисковать. В 1958 году, когда я начал учиться в средней школе округа Пиннер, уже было заметно, как меняется мода. Люди стали одеваться

---

²⁹ Британский певец, автор песен, актер, ведущий радио- и телепрограмм, кавалер Ордена Британской Империи (ОБЕ), имевший огромную популярность в послевоенной Англии.

по-другому – но только не я. Мне категорически запретили носить все, что хоть как-то ассоциировалось с рок-н-роллом. Кит Фрэнсис рассекал в остроносых туфлях – носы у них были длиннейшие, казалось, они появляются в классе на несколько минут раньше самого Кита. Я же одевался по-прежнему, как отец в миниатюре, и туфли мои, как ни печально, в длину точно равнялись ступне. Единственным намеком на рок-н-рольное бунтарство были очки, выписанные доктором, – а точнее, то, как я их носил. По назначению врача мне полагалось надевать их, только когда я смотрю на доску, сидя в классе. Я же, ошибочно воображая, что в очках похож на Бадди Холли³⁰, носил их не снимая и тем самым планомерно разрушал себе зрение. И в итоге мне пришлось-таки носить их постоянно, но уже по предписанию доктора.

Слабое зрение подкинуло мне проблему, когда дело дошло до открытий сексуального плана. Точно не помню обстоятельств, при которых отец застал меня за мастурбацией. Думаю, я пытался скрыть последствия, а не занимался, собственно, самим делом. Но я точно не напугался до смерти, как можно предположить, и в основном потому, что не понимал сути своих действий. Нет, правда. В сексе я очень поздняя пташка. Интерес к нему у меня пробудился на третьем десятке, хотя потом я сделал все, чтобы с лихвой наверстать упущенное. Но в школе похвальбы друзей приводили меня в искреннее недоумение: «Ага, братан. Ну, пригласил я ее в кино. И там малость помацал». *Помацал? Что это вообще значит? Зачем все это?*

Я думал, что всего лишь пробую вызвать у себя некие приятные ощущения, у меня и в мыслях не было, что это пробуждается моя сексуальность. Тем не менее, поймав меня на месте преступления, отец поведал мне расхожую байку о том, что если я буду *делать это*, то непременно ослепну.

Ясно, что множество мальчишек по всей стране слышали от родителей точно такую же страшилку, понимали, что это полный бред, и напрочь о ней забывали. Но мне отцовские слова крепко засели в голову. А что, если это правда? Я уже «посадил» себе зрение в дурацких попытках походить на Бадди Холли. Возможно, *делая это*, я вовсе перестану видеть? Я решил не рисковать. Многие музыканты рассказывают, что Бадди Холли очень сильно повлиял на их жизнь. Но я – единственный, кто из-за него перестал мастурбировать. Хотя самого Холли его приятель Биг Боппер³¹ однажды застукал за этим занятием – во время гастролей или еще какой-то поездки.

Несмотря на жесткие правила насчет одежды и предупреждения о неминуемом падении в пучину криминала, разлучать меня с рок-н-роллом было уже слишком поздно. Я увяз по самое горло. Посмотрел в кино «Любить тебя»³² и «Эта девушка не может иначе»³³. Начал ходить на концерты и шоу. Каждую неделю шумная толпа школьников направлялась в театр «Гранада» в Харроу: я, Кит, Кей Мидлейн, Барри Уолден и Джанет Ричи – самые преданные поклонники. И еще парень по имени Майкл Джонсон – наверное, единственный из всей компании, настолько же одержимый музыкой. Он даже знал некоторые вещи, о которых я сам не имел представления. Пару лет спустя именно он явился в школу, размахивая пластинкой «Битлз» Love Me Do³⁴, и заявил, что эти ребята станут самыми знаменитыми музыкантами

---

³⁰ Чарльз Хардин Холли, известный как Бадди Холли (англ. *Buddy Holly*) – американский певец и автор песен, один из первопроходцев рок-н-ролла.

³¹ Джэйлс Перри Ричардсон младший (англ. *Jiles Perry Richardson, Jr.*, более известный как Биг Боппер (англ. *The Big Bopper*) – американский диджей, певец, автор песен, один из первопроходцев рок-н-ролла.

³² «Любить тебя» (англ. *Loving You*) – американский художественный фильм-драма режиссера Хэла Кантера, премьера которого состоялась 9 июля 1957 года. Картина полубиографична и частично рассказывает о начале творческого пути Элвиса Пресли.

³³ «Эта девушка не может иначе» (в российском прокате, оригинальное название – *The Girl Can't Help It*) – музыкальная комедия с Джейн Мэнсфилд в главной роли. В фильме звучит песня Литл Ричарда.

³⁴ Love Me Do – первый британский сингл группы «Битлз» – был выпущен 5 октября 1962 года и достиг № 17 в чарте страны.

после Элвиса. Я подумал, что Майкл малость преувеличивает, но потом послушал сингл и понял, что он, скорее всего, прав. Так у меня появилась еще одна одержимость.

Билет в «Гранаду» стоил два фунта и шесть пенсов, а на лучшие места в зале – пять фунтов. Цена адекватная, если учесть, что в одном шоу выступали и группы, и отдельные певцы. За вечер можно было послушать десять артистов: каждый исполнял по две песни на разогреве у гвоздя программы, который пел четыре или пять композиций. В зале «Гранады» в то или иное время отметились все – Литл Ричард, Джин Винсент, Джерри Ли Льюис, Эдди Кокран³⁵, Johnny & The Hurricanes³⁶. А если кто-то по какой-то причине не мог украсить зал своим присутствием, мы мчались в Лондон: именно там, в «Палладиуме», я впервые увидел Клиффа Ричардса и «Дрифтерс» – его команда тогда еще не поменяла название на «Шэдоус». А тем временем в пригородах известные группы начали выступать и в небольших залах – в «Британском легионе» в Харроу и в «Кентонском клубе консерваторов».

Если хватало денег, можно было попасть на два, а то и три концерта в неделю. Смешно, но я не помню, чтобы хоть один не понравился мне или чтобы я пришел домой разочарованный, хотя некоторые шоу наверняка были чудовищными и с отвратительным звуком. Уверен, в «Британском легионе» в южном Харроу не имелось акустической системы, способной в полной мере передать бунтарскую мощь рок-н-ролла.

Когда отца не было дома, я наигрывал на пианино композиции Литл Ричарда и Джерри Ли Льюиса – моих кумиров. Меня восхищал не только их стиль исполнения, сам по себе невероятный: они играли напористо, агрессивно, будто собирались душу вышибить из клавиш. Больше всего изумляло другое – как они вскакивают во время исполнения, пинают ногой табуретку, вспрыгивают на крышку инструмента. Игру на фортепиано они сделали такой же зрелищной, захватывающей и даже сексуальной, как игру на гитаре или выступление вокалиста экстра-класса. Я и представить себе не мог, что такое возможно.

В общем, я настолько ими вдохновился, что и сам несколько раз попробовал выступить в местных молодежных клубах с группой под названием «Корветы». Ничего серьезного, все остальные участники тоже еще учились в средней школе в Нортвуде. Это продолжалось всего несколько месяцев, и платили нам в основном кока-колой, но внезапно я осознал, чем именно хочу заниматься в жизни. И мое желание никак не совпадало с планами отца насчет моего будущего, которое, по его мнению, следовало связать с Королевскими ВВС или работой в банке. Пусть запихнет себе в задницу и банк, и армию, решил я, хотя никогда бы не осмелился произнести такое вслух. Но эта крамольная мысль явно свидетельствовала о том, что рок-н-ролл все же сделал из меня бунтаря – чего и опасался отец.

Наверное, у нас с ним никогда не было общих интересов, кроме, пожалуй, футбола. Самые приятные воспоминания детства у него были связаны с этим спортом – отец вырос в семье футбольных фанатов. Два его племянника, Рой Дуайт и Джон Эшен, стали профессиональными футболистами и играли за команду «Фулхэм» из юго-западного Лондона. В качестве поощрения он водил меня на стадион «Крейвен Коттедж», и мы наблюдали за игрой с боковой линии. В те дни правым инсайдом был Джимми Хилл³⁷, а больше всего голов забивал Бедфорд Джебззрд³⁸. Но даже за пределами футбольного поля Рой и Джон казались мне грандиозными личностями; встречаясь с ними, я всегда испытывал восторженный трепет. Закончив футболь-

---

³⁵ Эдвард Рэймонд Кокран, известный как Эдди Кокран (англ. *Eddie Cochran*) – американский певец, композитор, гитарист раннего рок-н-ролла.

³⁶ Американская рок-группа из Огайо. Специализировалась на аранжировке традиционных мелодий в рок-н-рольном стиле.

³⁷ Джимми Хилл (англ. *Jimmy Hill*) – британский футболист, позже – известный телеведущий.

³⁸ Бедфорд Альфред Джордж Джебззрд (англ. *Bedford Alfred George Jezzard*) – английский футболист, нападающий. Наиболее известен по выступлениям за «Фулхэм» в конце 1940-х и 1950-е годы, а также как главный тренер этого же клуба в 1958–1964 годах.

ную карьеру, Джон стал весьма удачливым бизнесменом, торговал американскими автомобилями и, навещая нас в Пиннере с женой Бет, парковал на улице «Кадиллаки» и «Шевроле» фантастического вида. Рой же, правый нападающий, просто был потрясающий игрок. Позже он перешел в «Ноттингем Форрест» и выступал за них в финале Кубка Англии. Этот матч я смотрел дома по телевизору, запихивая в рот шоколадные яйца, сбереженные с Пасхи специально для этого знаменательного события. Причем я не столько ел шоколад, сколько заталкивал его в рот в состоянии, близком к истерии. На экране происходило невероятное. На десятой минуте матча Рой забил первый гол. Его уже сватали в сборную, и гол, казалось, решил его судьбу: мой двоюродный брат – *мой кровный родственник* – будет играть за Англию! Это еще фантастичнее, чем американские тачки Джона! Но через пятнадцать минут Роя унесли с поля на носилках. Не гол, а перелом решил его судьбу – футбольная карьера закончилась. Нет, он пытался играть, но достичь прежнего уровня уже не мог. И в итоге стал учителем физкультуры в школе для мальчиков в южном Лондоне.

Команда, за которую болел мой отец, была далеко не такой сильной и внушающей страх соперникам – «Уотфорд». Первый раз он взял меня посмотреть игру, когда мне было шесть лет. Команда плелась где-то в самом хвосте так называемого «Третьего южного дивизиона» – рейтинг на грани вылета из футбольной лиги. На самом деле, незадолго до того, как я начал ходить на матчи «Уотфорда», команда сыграла так плохо, что ее действительно выкинули из лиги; но позже, после подачи заявки на повторное вступление, все-таки вернули обратно. Одного взгляда на их стадион на Викерейдж-роуд хватало, чтобы составить о команде полное впечатление: всего две крытые трибуны, очень обшарпанные и маленькие – не стадион, а какая-то арена для собачьих бегов. Если бы я тогда хоть что-то соображал, я бы мгновенно оценил и этот стадион, и потенциал «Уотфорда». Начал бы болеть за команду, которая действительно умеет играть в футбол, и тем самым я бы избавил себя от почти двадцати лет безысходных страданий. Но в футболе все по-другому или, по крайней мере, должно быть по-другому. Это как зов крови: «Уотфорд» – команда моего отца, а значит, и моя команда.

Да и вообще, для меня не имели значения ни обшарпанность стадиона, ни безнадежная бездарность команды, ни холод, ни пронизывающий ветер. Я с ходу влюбился в футбол. Впервые – живая игра, радостное волнение из-за поездки на поезде в Уотфорд, из-за прогулки по городу до стадиона! Восторг! Продавцы газет подходят каждые полчаса и сообщают счет в другом матче. Мы всегда стояли на одном и том же месте на трибуне Шродделлс – эта зона называлась «Изгиб». Попасть туда впервые – все равно как принять наркотик, вызывающий немедленное привыкание. Я заразился футболом так же, как музыкой: составляя собственный «чарт чартов» у себя в спальне, вырезал из журналов списки команд в футбольных лигах, прикреплял их к стене и постоянно обновлял счет матчей. От этой зависимости я так и не избавился, да и не хотел избавляться – ведь она перешла мне от отца по наследству.

В одиннадцать лет преподавательница музыки отправила меня поступать в Королевскую Музыкальную академию в центральном Лондоне. Я успешно сдал вступительные экзамены. И следующие пять лет по субботам с утра ходил на занятия классической музыкой, а вечером – на футбол в Уотфорд. Вечернее мероприятие, конечно, нравилось мне больше, а вот академия почему-то нагоняла страх. Все казалось пугающим: величественное здание в эдвардианском стиле на Мэрилбоун-роуд, славная история академии – сколько людей училось здесь, а потом они стали знаменитыми композиторами и дирижерами! Все, кроме классической музыки, было под строгим запретом. Сегодня, конечно, все по-другому – каждый раз, оказываясь в академии, я ощущаю, какое это позитивное место; учеников поощряют заниматься тем, что им нравится, будь то поп, джаз или стиль, который они выдумали сами; плюс всем дают классическое музыкальное образование. Но в мои времена одно лишь упоминание рок-н-ролла было кощунством – все равно что прийти в церковь и завести с викарием разговор о том, что вы всерьез заинтересованы сатанизмом.

Но иногда бывало весело. Я учился у замечательной преподавательницы по имени Хелен Пиена, любил петь в хоре. Получал огромное удовольствие, играя Моцарта, Баха, Бетховена и Шопена, их мелодичную музыку. Но во всем остальном тормозил по полной программе, был типичным лентяем. Мог неделями забывать про домашние задания, прогуливать занятия. Звонил из дома, хриплым голосом говорил, что заболел, а потом, чтобы мама меня не вычислила, садился в электричку и ехал до станции «Бейкер-стрит». Там пересаживался в метро и часа три с половиной кругами ездил по кольцевой линии, читая *The Pan Book of Horror Stories*³⁹ вместо того, чтобы разучивать Бартока. Я знал, что не стану классическим музыкантом. Во-первых, мне не хватало физических данных – пальцы короткие. Если вы посмотрите на фото концертирующих пианистов, сразу заметите, какие длинные у них пальцы: руки как тарантулы. К тому же не того я хотел от музыки. Делать все по правилам, играть точные ноты в предписанное время с определенным настроением и без всякой импровизации? Нет. Еще в детстве я понял, что это не для меня.

По иронии, годы спустя Королевская академия присвоила мне звание Доктора и ее Почетного члена – и это при том, что, будучи учеником, я не получал никаких значительных наград. Хотя почему по иронии? Никогда не считал, что учеба в академии была для меня пустой тратой времени. На самом деле я горжусь тем, что там учился. Я провел несколько благотворительных выступлений, чтобы собрать им деньги на новый орган; я ездил в концертные туры по Англии и Америке с Симфоническим оркестром академии и учредил там пять ежегодных стипендий. В академии учились люди, с которым годы спустя я работал, будучи уже Элтоном Джоном: продюсер Крис Томас, аранжировщик Пол Бакмастер, арфистка Скайла Канга, ударник Рэй Купер. То, что я усвоил на субботних утренних занятиях, органично вошло в мою музыку: как выстраивать гармоническую структуру, как работать совместно с другими музыкантами, как сводить воедино все детали. Именно благодаря учебе в академии у меня возник интерес к написанию музыки, в исполнении которой участвуют более трех или четырех струнных инструментов. Если вы слушали альбом *Elton John* – а возможно, и все остальные мои альбомы, – вы наверняка ощутили влияние классической музыки и всего того, что мне дала академия.

Как раз во время моей учебы родители наконец развелись. Надо отдать им должное: несмотря на то что оба едва выносили друг друга, они долго старались сохранить брак – подозреваю, ради моего спокойствия. Это было неправильно, но они делали все возможное. В 1960 году отца отправили в командировку в Йоркшир, в Харрогейт, и мама встретила другого мужчину. Это и положило конец мучениям. Мы с матерью переехали к ее новому кавалеру – его звали Фред, он был художник и декоратор.

Наступили времена безденежья. Фред тоже пережил развод, у него росли четверо детей от предыдущего брака, так что финансово было очень и очень туго. Мы жили в Кроксли Грин, в чудовищной квартире с плесенью и отклеивающимися обоями. Фред подрабатывал мойщиком окон, брался за любую работу, лишь бы хватало на еду. И ему, и маме пришлось несладко. Дядя Редж оказался прав – в ту эпоху разведенные как будто несли на себе клеймо неудачников.

Но я несказанно радовался разводу родителей. Больше никаких мучительных усилий оставаться вместе любой ценой. Мама получила то, что хотела: избавилась от отца. И это – по крайней мере, на какое это время – изменило ее. Она была счастлива, что отражалось на моей жизни: в мой адрес стало меньше критики, меньше истерик. И еще мне очень нравился Фред – компанейский, великодушный, щедрый. Помню, он накопил денег и подарил мне велосипед с регулируемым рулем. Я как-то произнес его имя наоборот – Дерф, ему это показалось забавным, и прозвище прижилось. Никто больше не запрещал мне надевать то, что я хочу. Я начал называть Дерфа отчимом задолго до того, как они с матерью официально расписались.

---

³⁹ Серия книг в мягкой обложке с рассказами в духе хоррора, выпускалась издательством Pan Book.

Но главное – Дерф любил рок-н-ролл. Они с матерью поддерживали мое стремление сделать карьеру музыканта. Думаю, у мамы был дополнительный стимул: она знала, что это страшно злит моего отца. Но, по крайней мере на некоторое время, она стала моим самым преданным фанатом. А Дерф устроил мне первые платные выступления – в отеле «Нортвуд Хиллз», который на самом деле был никакой не отель, а типичный паб. Дерф как-то потягивал там пиво, услышал от владельца, что прежний пианист уволился, и предложил мою кандидатуру. Чего только я там не играл: песни Джима Ривза⁴⁰, Джонни Рея⁴¹, Элвиса Пресли, *Whole Lotta Shakin' Goin' On*⁴². Кое-что из Эла Джолсона⁴³: публика его любила. Конечно, не так сильно, как старые британские застольные, которые можно петь хором: *Down at the Old Bull And Bush*, *Any Old Iron*, *My Old Man* – все то, что затягивала моя семья после пары стаканов. Я неплохо зарабатывал. Платили всего по фунту за вечер, я играл трижды в неделю, но Дерф приходил со мной, рассказывал по залу с полулитровой кружкой и собирал для меня чаевые. Иногда выходило пятнадцать фунтов в неделю – очень прилично для пятнадцатилетнего парня в начале шестидесятых. Я даже сумел накопить на электропианино «Хонер Пианетт» и на микрофон, чтобы в шумном пабе меня было лучше слышно.

Игра в пабе не только давала заработать. Что очень важно, она научила меня бесстрашию перед публикой: отель «Нортвуд Хиллз» не назовешь самым мирным и благопристойным заведением Британии. Я играл в общественном баре, а не в заведении повыше классом по соседству, и почти каждый вечер после того, как посетители как следует нагружались спиртным, начиналась битва. Нет, не словесная перебранка, а самая настоящая старая добрая драка – когда в воздухе летают стаканы и с грохотом переворачиваются столы. В этой ситуации я действовал так. Сначала пытался стойчески продолжать играть в надежде, что музыка утихомирит драчунов. Если же *Vue Vue Blackbird*⁴⁴ не производила магического эффекта, я обращался за помощью к группе цыган, которые наведывались в паб почти каждый вечер. Я даже подружился с дочерью одного из них, и она приглашала меня к ним в фургон на ужин. Цыгане следили за моей безопасностью, а если в какой-то вечер их не оказывалось в зале, я прибегал к последнему способу – вылезал на улицу через ближайшее окно и возвращался, только когда драка заканчивалась. Было жутковато, но в итоге я приобрел ценное качество – отсутствие страха перед живыми выступлениями. Некоторых артистов полностью деморализуют неудачные выступления перед неадекватной публикой. Со мной, как и со всеми, такое случалось, но относился я к этому в целом спокойно. А вот если бы в ранней юности не привык, спасая жизнь, посреди песни лезть в окно, я бы тоже впадал в отчаяние, и пришлось бы над этим работать.

Отец в Йоркшире познакомился с женщиной по имени Эдна. Они поженились, переехали в Эссекс и открыли там газетный киоск. Должно быть, он стал счастливее – у них родилось четверо сыновей, которые его обожали. Но ко мне своего отношения он так и не изменил. Он как будто не видел способа вести себя иначе – всегда отстраненный, суровый, он все так же горевал по поводу тлетворного влияния рок-н-ролла и страдал из-за того, что я непременно стану «промышлялой» и покрою несмываемым позором честное имя Дуайтов. Поездки к нему в Эссекс на автобусе «Грин Лайн», безусловно, были самым унылым событием недели. На стадион «Уотфорд» вместе мы больше не ходили: я подрос и вполне мог стоять на «Изгибе» в одиночку.

⁴⁰ Джим Ривз (англ. *Jim Travis Reeves*) – американский исполнитель в жанрах кантри, поп, автор песен, музыкант. Лидировал в чартах в 1950—1960-е годы.

⁴¹ Джонни Рей (англ. *Johnnie Ray*) – популярный в 1950-е годы американский певец.

⁴² *Whole Lotta Shakin' Goin' On* – американская песня, ставшая популярной в исполнении рок-н-рольного певца Джерри Ли Льюиса в 1957 году. Свои версии песни записало множество других исполнителей.

⁴³ Эл Джолсон (англ. *Al Jolson*) – американский артист, стоявший у истоков популярной музыки США.

⁴⁴ Песня, написанная в 1926 году американским композитором Рэем Хендерсоном. Ее исполняло множество певцов.

Отец, очевидно, пришел в ярость, когда узнал, что я собираюсь оставить учебу, не проходя уровня «А»⁴⁵, и найти работу где-то в музыкальной сфере. Он не верил, что такая карьера – подходящий вариант для выпускника средней школы. Ситуацию усугубляло то, что работу мне нашел его собственный племянник, мой двоюродный брат Рой, тот самый, что забил первый гол в матче на кубок Англии. После развода родителей он сохранил добрые отношения с мамой. Футболисты почему-то всегда связаны с музыкальной индустрией, вот и Рой дружил с парнем по имени Тони Хиллер, директором нотоиздательской компании «Миллз Мьюзик» с офисом на Денмарк-стрит⁴⁶, британском варианте манхэттенской улицы Тин-Пэн-Элли⁴⁷. Мне предстояло трудиться в отделе корреспонденции – не бог весть что, и зарплата всего четыре фунта в неделю. Тем не менее это приближало меня к миру музыкальной индустрии. К тому же я понимал, что уровень «А» в любом случае не пройду. Королевская академия, упражнения на фортепиано в духе Джерри Ли Льюиса, регулярные прыжки из окна в отеле «Нортвуд Хиллз» – в этот график никак не вписывалась еще и школьная подготовка к университету.

Я написал «очевидно, отец пришел в ярость», потому что, если честно, не помню его реакции. Знаю, он писал маме и требовал остановить меня. Можете себе представить, как она это восприняла: пришла в восторг. На самом деле все, кроме отца, радовались за меня – мама и Дерф, даже, как ни удивительно, мой школьный наставник. Мистер Вестгейт-Смит был человек сдержанный, прямой и строгий. Перед разговором о том, что собираюсь бросить учебу ради работы, я страшно нервничал, если не сказать, трясся от ужаса. Но он повел себя удивительно. Сказал, что знает про академию и о том, как сильно я люблю музыку; так что он отпускает меня с миром, если только я пообещаю трудиться на совесть и отдавать всего себя любимому делу. Я слушал его с изумлением, но он говорил абсолютно искренне, хотя запросто мог бы мне отказать. Я бы все равно ушел, но остался бы неприятный осадок. Он же безоговорочно поддержал меня. Годы спустя, когда я уже стал известным, он писал мне, что гордится мною и всем, что я делаю.

Но странным образом именно отношение отца помогло мне чего-то добиться в жизни. Он не изменил мнения по поводу моего выбора профессии. И ни разу не похвалил меня. Не так давно его жена Эдна написала мне, что он по-своему гордился мной, но не в его привычке было открыто выражать такие чувства. И я понял, что именно эта его отстраненность пробудила во мне желание доказать ему, что мое решение – правильное. Это стало моей мотивацией. Чем большего успеха я добивался, тем больше давал ему доказательств, и не важно, знал он об этом или нет. Даже сейчас иногда я ловлю себя на мысли, что снова что-то доказываю отцу. Хочу показать ему, какой я на самом деле. А ведь он умер в 1991 году.

---

⁴⁵ Уровень «А» (англ. *A-Level*) – в британских школах двухгодичная программа подготовки старшеклассников к поступлению в университет.

⁴⁶ Денмарк-стрит (англ. *Denmark Street*) расположена в центральной части британской столицы в районе Сохо. Здесь в 60-е годы прошлого века открылись звукозаписывающие студии, оказавшие немалое влияние на развитие мировой музыки.

⁴⁷ Tin Pan Alley (рус. «улица дребезжащих жестианок») – собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии. Первоначально название относилось к 28-й улице на Манхэттене в Нью-Йорке.

два

Я вышел на свою первую «настоящую» работу в самое подходящее время: Денмарк-стрит только что вступила в эпоху стремительного и необратимого упадка. Десять лет назад она считалась центром британской музыкальной индустрии – здесь авторы продавали издателям свои тексты, а издатели затем продавали их артистам. С приходом «Битлз» и Боба Дилана все изменилось. Им не требовались профессиональные авторы песен, они писали сами. Появлялось все больше групп, сочинявших собственные композиции, – The Kinks, The Who, «Роллинг Стоунз». И всем было очевидно, что эта тенденция укоренилась навсегда. Тем не менее на Денмарк-стрит пока хватало работы: не каждая группа могла сама создавать свой материал, к тому же существовала целая армия певцов и эстрадных исполнителей, которые привыкли добывать песни старым проверенным способом. Но все знали: это ненадолго.

Моя новая работа в «Миллз Мьюзик» казалась чем-то из прошлой эпохи. Ничего общего с поп-культурой. Обязанности заключались в том, чтобы упаковывать в конверты ноты для духовых оркестров и доставлять корреспонденцию в почтовое отделение напротив Театра Шафтсберри. Даже сидел я не в главном здании: отдел корреспонденции находился где-то во дворе. Насколько там было «антигламурно», можно судить по одному забавному случаю. Внезапно в мою конуру ворвался знаменитый полузащитник Терри Венейблз с компанией приятелей. Их преследовали папарацци – в то время как раз гремел скандал по поводу того, что футболисты, невзирая на запрет менеджера, пьют спиртное после матча. Естественно, лучшего места, чтобы спрятаться, парни не нашли. Они были из «футбольных друзей» компании, наподобие моего двоюродного брата Роя, прекрасно знали «Миллз Мьюзик» и понимали, что контора писмоносца – это последнее место, где их будут искать.

Но я чувствовал себя счастливым. Я уже стоял на пороге мира музыкальной индустрии. И, несмотря на начинающийся упадок, Денмарк-стрит для меня обладала особой магией. Здесь все еще царил блеск, пусть и тускнеющий. Здесь располагались магазины гитар и звукозаписывающие студии. Приятно было пообедать в кофе-баре «Джоконда» или в «Ланкастер-гриль» на Чаринг Кросс Роуд. Знаменитости сюда не заглядывали, сюда ходил народ, который пока не мог позволить себе чего-нибудь пошкарнее. Но посетители распространяли вокруг себя живую энергетику будущего: полные надежд и планов, преодолевающие препятствия, мечтающие о славе. В общем, такие же, как я сам.

Тем временем в Пиннере мы с мамой и Дерфом покинули Крокли Грин – переехали из съемной квартиры с плесенью и отваливающимися обоями в новое жилье в нескольких километрах от Нортвуд Хиллз, как раз неподалеку от того паба, из окна которого я регулярно выпрыгивал. Снаружи Фроум Корт – наш новый дом – выглядел как обычный пригородный таунхаус, но внутри был разделен на три квартиры с двумя спальнями в каждой. Мы въехали в квартиру 3А и наконец почувствовали себя дома – не то что в предыдущей «резиденции», которая скорее являла собой наказание «разведенцам» маме и Дерфу: вы поступили плохо, аморально, вот теперь и живите в этой дыре.

И еще я начал играть на собственном, купленном на вырученные в пабе деньги электропианино в новой группе, созданной Стюартом А. Брауном, еще одним экс-участником «Корветов». «Блюзология» – это было куда серьезней всего, чем я занимался прежде. У нас имелись амбиции: Стюарт, по-настоящему красивый парень, не сомневался, что станет звездой. У нас были свой саксофонист и собственная программа, составленная из малоизвестных композиций классиков блюза Димми Уизерспуна и Дж. Б. Ленуара. Мы репетировали сеты в Нортвудском пабе под названием «Гейт». У нас даже был менеджер, ювелир из Сохо Арнольд Тендлер – у него работал наш ударник Мик Инкпен. Арнольд, милый маленький человечек, мечтал внедриться в музыкальный бизнес – и, на горе себе, решил выбрать «Блютологию» в качестве

главной инвестиции после того, как Мик убедил его прийти и послушать наше выступление. Он вложил деньги в наше оборудование и одежду для сцены – одинаковые рубашки-поло, юбки и туфли – и не получил никаких дивидендов, кроме наших постоянных жалоб на то, что все идет не так, как надо.

Мы начали выступать по всему Лондону, и Арнольд оплатил нам демозапись в передвижной студии в Рикмансворте. Каким-то чудом ему удалось подсунуть это демо лейблу «Фонтана Рекордз», и, что еще чудеснее, они выпустили сингл: песню моего сочинения, точнее, единственную сочиненную мною песню под названием «Вернись, беби». Это не дало нам ничего. Пару раз песню прокрутили по радио, как я подозреваю, на малоизвестных пиратских радиостанциях, готовых ставить в эфир что угодно, лишь бы лейблы хоть что-то им заплатили. Потом прошел слух, что наша песня будет в *Juke Box Jury*⁴⁸, и мы добросовестно в назначенное время собрались у телевизора. В передачу песню не включили. Потом мы выпустили еще один сингл, тоже написанный мной, под названием «Странный мистер». На этот раз про *Juke Box Jury* даже никаких слухов не ходило. Песня просто канула в Лету.

В конце 1965 года мы начали сотрудничать с Роем Темпестом – агентом, который возил на гастроли в Англию американских чернокожих артистов. В кабинете у него стоял огромный аквариум с пираньями, и дела он вел тоже как пиранья. Если ему не удавалось заполучить The Temptations⁴⁹ или The Drifters⁵⁰ в Америке, он находил команду никому не известных чернокожих певцов в Лондоне, одевал их в костюмы и отправлял в турне по ночным клубам, предвзительно назвав их The Temptin' Temptations или The Fabulous Drifters. И когда после концерта все начинали жаловаться на обман, он отвечал как ни в чем не бывало: «Конечно, это не The Temptations! Это The Temptin' Temptations! Совершенно другая группа!» Можно сказать, Рой Темпест изобрел растиражированный ныне способ использования знаменитых имен.

В некотором смысле сотрудничество с ним «Блюзологии» складывалось успешно. По крайней мере, мы работали бэк-группой у очень приличных артистов, таких как Мэйджор Лэнс⁵¹, Патти Лабелль⁵² и ее группа The Bluebelles, Фонтелла Басс⁵³, Ли Дорси⁵⁴. Я оставил работу с корреспонденцией духовых оркестров и начал зарабатывать на хлеб как профессиональный музыкант. На самом деле у меня не было другого выбора. Невозможно сочетать дневную работу в офисе и вечерние выступления при той безумной загрузке, которую обеспечивал нам Темпест. Правда, платили очень мало. «Блюзология» зарабатывала пятнадцать фунтов в неделю, ими надо было оплачивать бензин, еду, а иногда и ночлег: если мы выступали далеко от Лондона, приходилось останавливаться в гостиницах, где постель и завтрак стоили пять фунтов. И я уверен, что звезды блюза, с которыми мы аккомпанировали, получали немногим больше. А вот нагрузки были нечеловеческие – бесконечные разъезды по стране, и так вечер за вечером. Мы играли в крупных региональных клубах – «Оазис» в Манчестере, «Моджо» в Шеффилде, «Плейс» в Хэнли, «Гоу-гоу» в Ньюкасле, «Клаудс» в Дерби. Выступали и в крутых лондонских клубах: «Сибилла», «Скотч оф Сент Джеймс», где любили выпить виски с колой «Битлз» и «Роллинги»; «Кромвелиан», где за стойкой стоял удивительный бармен Гарри Харт, почти такой же знаменитый, как поп-звезды, которых он обслуживал.

---

⁴⁸ *Juke Box Jury* (рус. «Жюри музыкального автомата») – программа телевидения Би-би-си, выходила в эфир с 1951 по 1967 год. Тема – приглашенные знаменитости выносили свои суждения о новых песнях и композициях.

⁴⁹ Американский мужской вокальный коллектив, удостоившийся премии «Грэмми». Одна из самых успешных групп, работавших под лейблом «Мотаун». На сцене выступают уже почти 50 лет в таких музыкальных направлениях, как ритм-н-блюз, ду-воп, фанк, диско, соул и музыка для взрослых.

⁵⁰ Чернокожий вокальный коллектив, созданный в начале 1953 года.

⁵¹ Мэйджор Лэнс (англ. *Major Lance*) – американский рок-энд-блюз-певец.

⁵² Патти Лабелль (англ. *Patti LaBelle*) – американская певица. Начала музыкальную карьеру в 1958 году в группе The Ordettes, после изменений в составе и переименований ставшей в 1961 году The Bluebelles.

⁵³ Фонтелла Басс (англ. *Fontella Bass*) – американская соул-певица.

⁵⁴ Ли Дорси (англ. *Lee Dorsey*) – американский поп- и рок-энд-блюз-певец, знаменитый в 60-е годы.

Гарри был гей, очень женственный, разговаривал на «полари» – лондонском аргго гомосексуалистов, и на стойке у него стояла загадочная чаша с прозрачной жидкостью. Тайна раскрывалась, когда вы предлагали ему купить для себя напиток: «Джин с тоником, пожалуйста, и один для тебя, Гарри». Тогда он говорил: «О... спасибо, любовь моя, аха-ха, всего одну малышку в мою копилку», – затем отмерял дозу джина, выливал в свою чашу и отхлебывал из нее в перерывах между обслуживанием гостей. Изумляло то, как человек, который выпивает за вечер немаленький сосуд чистого джина, умудряется сохранять вертикальное положение.

Но нам доводилось выступать и в очень странных заведениях. Помню, например, одно место в Харлсдене, которое явно было не клубом, а чьей-то гостиной; и еще одно в Спиталфилдсе – по причине, до сих пор мне не ясной, вместо сцены там был боксерский ринг. Мы часто играли в клубах чернокожих, что, возможно, могло кого-то испугать – кучка белых парней из пригородов Лондона пытается играть черную музыку перед чернокожей аудиторией. Но почему-то все проходило отлично. Для начала, музыка аудитории нравилась. И к тому же, если ты подростком трижды в неделю наяривал *Roll Out the Barrel* перед завсегдатаями паба в «Нортвуд Хиллз», пока они методично колошматили друг друга, тебя так просто не испугать.

Говоря по правде, лишь однажды мне стало не по себе – в Баллоке, неподалеку от Глазго. Оказавшись на месте, мы обнаружили сцену трехметровой высоты. Быстро выяснилось, что это ради безопасности, иначе зрители попытаются залезть наверх и укокошить музыкантов. Поскольку этого удовольствия их лишили, им оставалось только яростно колошматить друг друга. Ввалившись в зал, они сразу выстроились в две линии. Наша первая нота, очевидно, была явно согласованным сигналом к началу развлечения: в воздух немедленно полетели полуплитровые пивные кружки, и началась потасовка. В общем, это был не концерт, а битва под аккомпанемент рок-энд-блюза. Субботний вечер в «Нортвуд Хиллз» по сравнению с этим побоищем больше напоминал открытие сессии британского парламента.

Мы играли по два концерта за вечер почти каждый день, а иногда и больше, если пытались подработать собственными выступлениями. Однажды в субботу по графику Роя мы выступали в два часа дня в Клубе американских услуг в Ланкастер-Гейт, потом погрузились в фургон и рванули в Бирмингем, где отыграли два концерта в «Ритц» и «Плаза». Потом опять фургон, возвращение в Лондон и выступление в клубе Каунта Сакла⁵⁵

---

⁵⁵ Уилберт Огастэс Кэмбелл, известный как Каунт Сакл (англ. *Count Suckle*) – британский диджей и владелец клубов, уроженец Ямайки, пропагандист музыки в стилях ска и регги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.